

Звезда советской рок-музыки Борис Гребенщиков выпустил в США пластинку — «Радио тишина». Зная любовь наших читателей к этому неординарному музыканту и поэту, наш внештатный корреспондент в Ленинграде встретился с ним перед его отъездом на запись в США.

— Борис, ты недавно из Америки и сейчас уезжаешь туда вновь. Расскажи о своих впечатлениях.

— Ничего особенного, совершенно как у нас.

— Давай без обкатанных ответов. Я прекрасно понимаю, как тебе надоело давать интервью на эту тему, но все же попробуем.

— Нет, там действительно как у нас. В какие-то моменты я переставал понимать, где я нахожусь — в Ленинграде, Москве или Нью-Йорке. Абсолютно такая же тусовка, как, например, в ленин-

• Гость

12-й страницы

Борис Гребенщиков:

„Я УЕЗЖАЮ В ДЕРЕВНЮ“

градском рок-клубе пару лет назад. Так и в Штатах — приходишь в бар, а там сидят Дэвид Боуи, Игги Поп, Джулиан Леннон. Здесь же где-то тусуются «Иес», все подходят друг к другу, разговаривают о чем-то, переходят к другому. Единственное различие: у нас много выпивших, а там — нет. Пьют пиво, разговаривают. Они туда приходят общаться. Тут же кто-то подходит и говорит: «Слушайте, в таком-то клубе сидит такой-то чемпион-штангист-тяжеловес». Им это интересно, все говорят: «Поехали!» и едут. С этим чемпионом никто не знаком лично, так, слышали друг о друге, но это никого не волнует, все просто едут, знакомятся, разговаривают.

— На чем едут, на личных лимузинах!

— Нет. Свою машину иметь в Нью-Йорке невыгодно — слишком дорогой паркинг. Ловят такси, садятся (сначала садятся, никаких там «в парк» или «мне не по дороге» — вот чего там нет, так этого) даже не садятся, а «веззажают» — такси огромное — и едут.

— Ты свободно разговаривал по-английски? Тебя понимали!

— Я сначала очень дергался — вдруг у меня будет не тот английский, или меня не будут понимать. А потом я сел в такси, где шофером был китаец, который знал английский еще хуже меня. Тут я успокоился: если человек с таким английским работает в Нью-Йорке таксистом, то мне волноваться нечего.

— А как насчет насилия!

— Я, признаться, не сталкивался. То есть был один случай... Мы выходили из ресторана, часть во главе с Дэвидом Боуи сразу пошла вперед, а я задержался с остальными — ждал, пока они решат, кто куда едет. Пока они разбирались, мне пришлось догонять их. Я на полном ходу заворачиваю за угол и попадаю в центр драки двух компаний негров, выясняющих отношения с ножками в руках. Неподалеку — полицейский, который следит лишь за тем, чтобы они не мешали уличному движению. Негры мне сразу: «Проходи, проходи!» Я задерживаться не стал. Потом... Был еще момент — мы с Кенни Шафером шли утром 1 января по Нью-Йорку. Впечатление фантастическое: абсолютно пустой город, все закрыто, людей нет. Мы идем — пусто, гулко. Вдруг навстречу выходит старик в норковой шубе до пят с собакой на поводке. Из подъезда дома выходит старушка, тоже с собакой. Стоят, курят. Мы мимо проходим, воздух вдыхаем... да-а... «травкой» пахло. Во время этой прогулки я видел кровавый след вдоль всей улицы. Но, я думаю, если у нас 1 января походить по улицам, вполне можно увидеть подобное. Хоть у меня не лестнице.

Ну, и Кенни мне как-то предложил пойти погулять в Сентрал-парк. Я несколько удивился — еще по песням Лу Рида помню, что место сомнительное.

— Да нет, — говорит Кенни, — это

все в другом конце, а здесь гулять можно.

— Кто такой Кенни!

— Кенни — это Кенни Шафер, человек, «сидящий» на наследии Джимми Хендрикса и имеющий связи в музыкальных кругах. Оплачивала мою поездку фирма «Белка Инк». Мы с Кенни и с юристкой, которая работала с Тауншендом и другими, связывались с различными компаниями грамзаписи, на пред-

мет выпуска моей пластинки. Мы побывали в «Полиграме», «Эй энд Эм», в «Уорнер Бразерс». Но контракт заключили с «Си-Би-Эс», хотя там предложили меньше денег, чем в других компаниях.

— Почему контракт заключили там!

— Там очень хороший президент. Старый, русского происхождения. Мы понравились ему, а он нам.

— И какие музыканты предполагаются!

— Тут дело вот в чем. Мы не имеем права называть имена музыкантов, с которыми будем работать. Назвать имя — только отпугнуть человека. В общем, идея зависит от того, насколько я подружусь с определенными музыкантами, насколько мы захотим работать вместе.

— Расскажи про музыкантов, с которыми ты общался. Итак, Дэвид Боуи!

— Это безумно обаятельный человек. Мы провели с ним целую ночь, гуляли по городу. Он меня встретил как старого друга, которого не видел лет пять. Сразу стал показывать свой новый фотоаппарат, который может делать разные штучки — наложения, удвоения и всякое такое. Очень светский человек. Любую неловкость в языке или еще где — снимает мгновенно.

Мне было приятно, что я был так принят. Дэвид предложил мне обменяться сапогами. Мы поменялись. За все время он сказал две серьезные фразы: «Если я тебе понадоблюсь для записи — можешь на меня рассчитывать». И вторая: «Не дай им сделать из всего этого очередной американский альбом». То есть он все время имел в виду, что предстоит что-то сделать, и несмотря на все развлечения, думал об этом. Это на меня произвело сильное впечатление.

— А почему Дэвид так подружился с тобой!

— Он знал меня по записи. Он и Игги Поп.

— А как Игги!

— Я ему спел песенку, он завелся, сразу стал свои видеозаписи ставить. Вот я вижу, что он с большим трудом оперирует с пультом включения аппаратуры, и спрашиваю: а почему, собственно? Выясняется, что он только слушал плейер... То есть денег у человека никогда не было. После успеха он немного «приподнялся», снял квартиру...

— Джордж Харрисон!

— Чисто номинально. Выглядит абсолютно так же, как на фотографиях.

— Майк Джексон!

— Еще более номинально. Просто находились в одной студии, были пред-

ставлены.

— Джулиан Леннон!

— С ним я общался. Мальчик, на которого свалилась вся эта слава — и отца, и собственная. Тяжело быть 24-летним человеком, на которого «все глаза». Он уже привык немного к этому, но чувствует себя неловко. Не мо-

жет писать песни в Нью-Йорке, ездит для этого в Швейцарию. Я предложил ему поехать в деревню — там хорошо получается.

— Фрэнк Заппа!

— Мы были у него на репетиции — в огромном ангаре. Я после обеда пришел за колонкой, задремал... Заппа подошел, посадил меня на место, где лучше слышно — стал объяснять смысл песни — республиканцы, демократы... Я сначала ничего не мог понять. Он гонял там свои старые вещи — с «Зут Аллурес», «Апостроф». Одно начало он прогнал раз 18 — что-то ему там было не так. Правда, по-моему, лучше не стало, но он успокоился. При этом все происходило в день его рождения.

— Дэйв Стюарт из «Юритмикс»!

— Очень мало общались, он просто записал гитару на мою песню «Пепел», на русском, но другой вариант. Стюарт наложил на это соло-гитару. Такую крутую, что я был сдут в пять минут. Но нам надо было спешить, мы опаздывали на какую-то встречу. Стюарт обиделся: он на своем десятиметровом лимузине приехал, правда, жил он через улицу... Но потом прислал письмо, что ему будет очень интересно поработать. Это второй реальный человек, с которым я хочу работать.

— Пластинка по условиям контракта вся будет на английском!

— Я имею право на 30 процентов материала на русском.

— И что это будет!

— По идее, «Серебро господа моего» и «Город». Я боюсь говорить об этом, потому что концепция пластинки может заставить меня все сделать на английском.

— Какова общая духовная атмосфера в Америке! Это действительно общество изобилия! Ты можешь получить все, что хочешь! Твое впечатление!

— Есть у тебя есть деньги. Почти все. Старых записей Donovan ты не найдешь.

— Вот мы сидим всю ночь, разговариваем. Есть ли там обратная ситуация, когда разговаривать не о чем и не с кем!

— Я был в выгодной ситуации, потому что вокруг меня было общество, где можно было поболтать. Не богема, а круг людей. Потом, там все занимается делом и довольны, что занимаются делом. Если хочешь что-то делать — пожалуйста, делай. Если сделаешь так, что это кому-то интересно, то это класс. Но, как правило, этого мало кто может добиться.

— А есть ли у американцев планирование своего будущего, в жизни!

— Нет. Лос-Анджелес — крайнее выражение этого. К примеру, стоит красивый холм, на холме роскошный дом на подпорках. В нем раньше жил Кенни. Он забыл как-то выключить воду в ванной. Вода размывала почву, дом упал. Кенни, увидев это, не выходя из машины, уехал в Нью-Йорк. Если там будет землетрясение, половина Лос-Анджелеса рухнет. Никого это не волнует. Им в голову не приходит, что что-то может быть. Будущее будет такое, как сегодня.

— А в церковь они ходят!

— Это у них обязательно с детства. Американский рок-н-ролл — это восстание против католицизма. Церковь у них с детства насаждается силой, с первого класса, и поэтому все, достигая 15 лет, начинают бунтовать, начинают принимать наркотики, все, что угодно. У них весь рок-н-ролл построен на этом.

— Как планируется запись альбома!

— Я уезжаю и живу там, жду, пока появится что-то, что захочется передать в песнях. Сразу на английском. Потом на конгресс врачей в Канаде приезжает весь «Аквариум» (кроме Вани Воропаева). Ляпин тоже. И там мы записываемся.

— Будет ли это звучание «Аквариума»!

— Это зависит от меня. Это не будет звучанием «Аквариума», как... он есть сейчас, поскольку я там специально был, чтобы идею «Аквариума» продвигать дальше. Я думаю, что идея «Аквариума» не потеряется, хотя и иду на определенный риск. Я растягиваю потенциал слишком сильно, но надеюсь, что в процессе работы он сожмется. Я готов экспериментировать сколько угодно.

Мы можем работать еще долго, но я не хочу бесконечного повторения. Я забыл, как это — удивлять самого себя хорошей песней.

И поэтому мне снова надо уехать в деревню. Только деревней на этот раз окажется Нью-Йорк.

А. ЗАНДЕР.

Ленинград—Фрунзе.